

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ. ОКТАБРЬ 1855 года.¹

Приступая къ краткому отчету о нынѣшней выставкѣ картинъ въ Академіи Художествъ, мы должны прежде всего сказать, что хотя она не богата первокласными произведеніями, но тѣмъ не менѣе для всякаго добросовѣстнаго любителя искусства она представляетъ не мало утѣшительнаго. Конечно, въ ней много ученическаго, слабаго, много такого, что составляетъ собственно только рабочій матеріалъ для искусства, но несмотря на это, выходя изъ залъ Академіи, все-таки выносишь съ собой отрадное впечатлѣніе. Причина этого отраднаго впечатлѣнія заключается, по нашему мнѣнію, во первыхъ, въ характерѣ даровитости, который имѣетъ выставка въ цѣломъ; во вторыхъ, въ направленіи, которое господствуетъ въ русской школѣ. Таланты отъ Бога и разумѣется никакія Академіи въ мірѣ не въ силахъ создавать ихъ, но хранить чистоту вкуса, чистоту классическихъ преданій, хранить святыню правды и естественности въ искусствѣ — вотъ въ чемъ заслуга нашей Академіи и благотворность ея вліянія на русскую школу живописи. Искусство есть результатъ долгой в многосторонней жизни государства. Это лучшій цвѣтъ его, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается весь духъ его народа; но цвѣтъ этотъ распускается только на почвѣ

[74]

много в глубоко разработанной. Правда, что идеалы искусства въ высшемъ своемъ развитіи всегда переходятъ за черты, раздѣляющія національности и становятся общими идеалами духа человѣческаго, но для этого необходимо, чтобы первоначально идеалы эти самостоятельно выработывались на

---

¹ *Современник*, т. 54.1, 1855, № 11 (ноябрь)

національної почвѣ, прошли весь трудный и сложный процессъ очищенія отъ всего частнаго — и изъ народнаго возвысились до общечеловѣческаго. Посмотрите, каждый историческій народъ внесъ въ искусство свои идеалы, родственные всякой чувствующей в мыслящей душѣ, какой бы національности она ни принадлежала, но въ тоже время каждый изъ идеаловъ этихъ глубоко запечатленъ своею національностью. Безъ сомнѣнія, всѣ искусства воспитались на античныхъ идеалахъ, но не формальнымъ и механическимъ перенесеніемъ ихъ на національную почву; напротивъ, каждая національность перерабатывала эти идеалы по своему, сообразно съ свойствами своего народнаго духа и характера. Призваніе Академій состоитъ въ томъ, чтобы постоянно указывать на высшіе образцы красоты; а какъ потомъ эта вѣчная красота принимаетъ свои національныя условія, это уже не дѣло Академій, а самого общественнаго развитія.

Итакъ, утѣшительная сторона нынѣшней выставки, да и вообще всей русской школы состоитъ въ отсутствіи всякой театральности и той романической идеальности, которою, напримѣръ, такъ заражена новѣйшая французская живопись. Правда, что нынѣшняя выставка не обнаруживаетъ особеннаго богатства фантазіи, но за то эта фантазія строго держится дѣйствительности и природы, не старается прикрашивать ихъ фразой и театральностью, не старается пополнить недостатка своего фальшивой монетой претензій, которыя въ искусствѣ обыкновенно выражаются преувеличеннымъ изображеніемъ дѣйствительности. Словомъ, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни — русской человекъ коренной врагъ фразы и театральности.

Нынѣшняя выставка заключаетъ въ себѣ 323 нумера, которые всѣ почти состоятъ изъ картинъ; скульптурныхъ произведеній очень мало. Конечно, мы желали бы, чтобы каждый изъ этихъ 323 нумеровъ былъ замѣчательнымъ произведеніемъ, но такъ какъ, къ сожалѣнію, этого нѣтъ — да и на всѣхъ выставкахъ въ мірѣ отличныя произведенія составляютъ всегда меньшинство,

— то мы , въ краткомъ обзорѣ нашемъ, укажемъ только нѣкоторыя произведенія , которыя имѣютъ какія либо положительныя достоинства. Да и изъ нихъ мы остановимся только на лучшихъ, потому что собственно посредственныхъ произведеній очень мало, и напро-

[75]

тивъ рѣдкая изъ выставленныхъ картинъ не обнаруживаетъ какого нибудь дарованія, въ бѣльшей или меньшей степени.

Нынешняя выставка особено бѣдна произведеніями известныхъ нашихъ художниковъ: изъ нихъ только одинъ талантливый и трудолюбивый г. Айвазовскій выставилъ шесть картинъ. Талантъ его такъ извѣстенъ любителямъ живописи, что мы считаемъ излишнимъ входить въ разсмотрѣніе высокыхъ качествъ его кисти. По прежнему владѣетъ онъ тайной уловлять зыблющіяся, летучія формы неба и моря, по прежнему передаетъ ихъ въ томъ поэтическомъ отраженіи, которое составляетъ высшую, существенную сторону живописи, безъ чего она была бы только одной дурной замѣной природы. Да, никогда самое отчетливое, самое рабское подражаніе природѣ не можетъ замѣнить этого поэческаго отраженія ея; до него не можетъ достигнуть никакая техника, потому что корень ея заключается не въ глазахъ, а въ душѣ художника. Мы назвали ее *тайной* , потому, что не знаемъ пути къ ея достиженію, потому что она не доступна никакому анализу, неопредѣлима никакими эстетиками, потому что она дается какъ красота , какъ грація , а не приобретається; потому что она составляетъ то высочайшее очарованіе, за которое человекъ такъ дорожитъ искусствомъ. Словомъ , это та самая тайна, которую люди условились называть *поэзіей*: эту живую, неуловимую нить, связывающую между собой всѣ искусства и дѣлающую ихъ родными, кровными сестрами; это та самая тайна, которая каменную массу архитектурнаго зданія дѣлаетъ воздушною и музыкальною; которая краски преобразуетъ въ эвуки, которая въ

словѣ — вдругъ, мгновенно раскрываетъ вамъ бездонную перспективу ощущеній.

Изъ картинъ, выставленныхъ г. Айвазовскимъ, намъ особенно нравятся двѣ: *Фрегатъ при закатѣ солнца* (№ 107) и «*Чумаки въ малороссійской степи*» (№ 305). На обѣихъ картинахъ представленъ закатъ солнца: на морѣ онъ разливается по легкой, волнистой зыби, сверкаетъ въ углубленіяхъ волнъ и обращаетъ эту тусклую, унылую массу въ расплавленный, клокочущій металлъ, сіяющій всѣми возможными переливами драгоценныхъ камней. Мы не говоримъ уже о томъ, до какой степени эти волны у г. Айвазовскаго прозрачны, живутъ, зыблются. Не менѣе превосходна картина малороссійской степи; но красота ея состоитъ уже не въ отраженіи солнечнаго заката, а въ самомъ закатѣ. Задача была необыкновенно трудная; подумайте: написать заходящее солнце! Правда, что Клодь-Лоренъ, обладавшій высочайшей поэтической силой въ пейзажѣ, часто любилъ писать за-

[76]

ходящее солнце; но, къ сожалѣнію, теперь прелесть его закатовъ мы можемъ чувствовать только по общему тону, разлитому въ его истинно-идеальныхъ картинахъ; ихъ краски выщѣли, многіе изъ тоновъ ихъ едва чувствуются. У Айвазовскаго закатъ горитъ передъ нами всею свѣжестью красокъ.

Пламенѣющимъ шаромъ опускается солнце за безконечный горизонтъ степи; оно передъ вашими глазами; далекая, рдѣющая полоса между вами и солнцемъ состоитъ изъ алаго, густаго, воздушнаго пара, полного міриадъ сверкающихъ атомовъ.... Вотъ эту-то минуту, когда смотря на такой закатъ въ широкомъ полѣ, вы боитесь отвести отъ него глаза, чтобъ не потерять ни одной секунды изъ этого чуднаго видѣнія, — вошь какой закатъ попробовалъ Айвазовскій уловить своей кистью. И смѣло скажемъ, онъ превосходно выполнилъ свою великую задачу. Эти бѣдныя краски удивительно напоминаютъ величавую красоту

такого заката , который Шиллеръ сравнивалъ съ достойнымъ обожаніа зрѣлищемъ умирающаго героя: *So stirbt ein Held: anbetungsvoll!* На длинномъ обозѣ чумаковъ играетъ алѣющее отраженіе заката: все, небо и земля исполнены тихой, спокойной торжественности. Жаль, что нѣкоторыя части картины, именно цвѣтъ травы не соотвѣтствуетъ воздушной гармоніи цѣлаго. Хотя это нисколько не уменьшаетъ существеннаго достоинства картины, но тѣмъ не менѣе лишаетъ ее общей гармоніи тоновъ. Намъ могутъ возразить на это, что трава при *такомъ* освѣщеніи имѣетъ именно точно *такой* цвѣтъ; очень можетъ быть, но мы все таки останемся при своемъ мнѣніи. Отъ чего же въ природѣ глаза никогда не поражаются рѣзкостію ни одного цвѣта? Отъ чего въ самыхъ смѣлыхъ эффектахъ своихъ природа всегда сохраняетъ общую гармонію тоновъ?

Что касается до двухъ большихъ картинъ г. Айвазовскаго — *Буря 2-ю ноября 1854 г.* и *Буря подъ Евпаторіею*, такъ какъ эти явленія природы суть явленія исключительныя, то мы не беремся судить, до какой степени художникъ уловилъ ихъ истину. Въ нихъ очень много драматизма, и безъ всякаго сомнѣнія, художникъ внесъ въ нихъ обычное свое мастерство , — но, признаемся, что онѣ произвели на насъ гораздо меньше впечатлѣнія, чѣмъ тѣ двѣ картины столь простыя по содержанію и столь исполненныя поэтическаго чувства; гораздо меньше, чѣмъ его же *Туманное лѣтнее утро*, къ которому такъ идутъ эти два стиха Фета:

Утро, какъ сонъ новобрачной
Полно и стыда, и огня.

[77]

Картинъ, присланныхъ изъ Италіи пансіонерами академіи, очень не много. Самыя замѣчательныя изъ нихъ принадлежать гг. Лагоріо в князю Максutowу. Лагоріо выставилъ два вида изъ олрестностей Рима: *Вечеръ въ*

горахъ, при томъ освѣщеніи, когда закатъ солнца обливаешь густымъ, пурпурно-золотистымъ паромъ горныя высоты; ниже кое-гдѣ вдругъ ярко бьетъ оно между разсѣлинами в отлогостяхъ скалъ, уже покрытыхъ вечернимъ сумракомъ, и все, что подпадаетъ тогда убѣгающимъ лугамъ его горитъ и пламенѣетъ, словно преображенное. Другая картина тоже изъ горныхъ окрестностей Рима, но при бурномъ, тускломъ освѣщеніи. Обѣ картины имѣютъ много достоинствъ, по отчетливой, мастерской отдѣлкѣ подробностей, особенно *Вечеръ в горахъ*. Но мы не можемъ не сожалѣть, что талантливый художникъ выбралъ такіе декоративные сюжеты для своихъ картинъ. Красота пейзажа состоитъ не въ представленіи эффектныхъ и громадныхъ формъ природы, а в указаніи красоты ея, присущей даже самому бѣдному клочку земли съ лужей, мимо котораго вы проходите, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Вспомните великихъ пейзажистовъ Голландіи:

Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,

Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

Конечно, выборъ эффектныхъ мѣстоположеній южной природы болѣе дѣйствуетъ на глазъ простодушнаго зрителя, особенно на сѣверный глазъ, — да и для самаго художника представляетъ менѣе трудностей въ исполненіи.

Впрочемъ, картины г. Лагорио скорѣе можно назвать этюдами горной Итальянской природы, нежели собственно картинами. Для составленія картины необходимо постепенно развивающееся содержаніе, въ которомъ горныя виды г. Лагорио могли бы составить превосходный эпизодъ или самую эффектную часть ея. Взятый отдѣльно, одиноко, безъ постепеннаго подготовленія къ нему глазъ и чувства — эффектъ никогда не производитъ должнаго впечатлѣнія, а кромѣ того избытокъ эффекта всегда не усиливаетъ, а напротивъ, ослабляетъ впечатлѣніе. Это одинаково вѣрно какъ въ литературѣ, такъ и во всѣхъ

искусствахъ. Притомъ горы имѣютъ для глазъ особенную красоту только потому, что лежать на долинахъ; безъ долинъ я лощинъ онѣ давили бы только глаза своими сплошными массами. На картинахъ г. Лагоріо видны почти однѣ только вершины сплошныхъ горъ, освѣщенныя солнечнымъ закатомъ. Еслибъ кто вздумавъ представить лѣсъ, написалъ одни только вершины деревъ при вечернемъ освѣщеніи, — мы сомнѣваемся, чтобы въ

[78]

картинѣ такой чувствовалась поэзія лѣса. Картины г. Лагоріо сдѣланы необыкновенно старательно, отчетливо и показываютъ самый внимательный и зоркій взглядъ на природу. Но несмотря на это, въ нихъ чувствуется какая-то сухость, которая очень вредитъ ихъ общему впечатлѣнію.

Князь Максудовъ прислалъ, къ сожалѣнію, одну только маленькую картину: *Нищіе въ Римѣ*. Говоримъ, къ сожалѣнію, потому что эта маленькая картина обнаруживаетъ въ художникѣ большой талантъ. Слепой нищій сидитъ у пьедестала колонны, возлѣ него стоитъ дѣвочка лѣтъ семи или восьми, можетъ быть дочь его. Дѣвочка очень дурна собой, большіе черные глаза, одутловатое лицо, выпятившійся животъ. Одежда взрослыхъ римскихъ женщинъ придаетъ какой-то комической и вмѣстѣ печальный видъ тупому выраженію лица ея. Лицо слѣпаго — характерное и необыкновенно плутовское. Какое бѣдное содержаніе! скажете вы, можетъ быть, — но въ этой маленькой сценѣ поймана жизнь во всей своей натурѣ и правдѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, эта маленькая сцена списана съ природы; всѣ пишутъ съ природы, но бóльшая часть остается при одномъ внѣшнемъ ея представленіи, которое въ картинѣ непременно выходитъ чѣмъ-то механическимъ и мертвымъ. Для примѣра мы приведемъ хоть *Римлянокъ у фонтана* г. Тимашевскаго, которыя тоже вѣроятно

были писаны съ натуры, а вышли сухи и безжизненны. Увы! не всегда удается поймать жизнь и дѣйствительность въ ихъ летучихъ явленіяхъ и не всѣ одинаково глубоко смотрять въ нихъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ опять ту же самую тайну, о которой говорили выше, только подъ другою наружностью; здѣсь мы можемъ назвать ее тайной уловлять жизнь въ ея явленіяхъ. Тайна всѣмъ открытая и доступная немногимъ,—доступная только, и даже большею частію, безсознательно, — одному н тому же поэтическому чувству. Безъ поэтического чувства художникъ навсегда останется при однихъ внѣшнихъ формахъ жизни; пусть съ величайшимъ стараніемъ отдѣлываетъ онъ мельчайшія подробности этихъ внѣшнихъ формъ: картны выйдутъ почтенныя, уважаемыя и — мертвыя. А вѣдь кажется списаны были съ жзни? Вѣрно за этой внѣшной, технической оболочкой заключается нѣчто доступное не всякому глазу — и счастливъ художникъ, обладающій этимъ *вторымъ*, высшимъ зрѣніемъ. Въ сущности оно-то и составляетъ то, что по просту называется въ искусствѣ талантомъ. Съ этой точки зрѣнія, изъ всѣхъ видовъ, выставленныхъ г. Фрикке, о которыхъ мы говорить не станемъ, мы смѣло отдадимъ преимущество двумъ маленькимъ этюдамъ его, представляющимъ *Парголовскихъ дѣ-*

[79]

вушек (№ 272). Двѣ маленькія, бѣдныя фигурки, но въ нихъ есть жизнь и правда, которыя делаютъ ихъ большими и богатыми.

Между пейзажами есть нѣсколько написанныхъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ. Къ такимъ относимъ мы пейзажи г. Горавскаго. Правда, что въ нихъ чувствуется недостатокъ силы и колорита: сѣроватый тонъ очень вредить имъ; но тѣмъ не менѣе въ нихъ есть что-то гармоническое и мягкое, даже нѣжное и если вы пристально всмотритесь въ нихъ, то увидите, что художникъ умѣетъ чувствовать природу и гармонію ея тоновъ. Природа у г. Горавскаго

является въ какомъ-то меланхолическомъ отраженіи, нелишенномъ впрочемъ граціи и нѣкоторой задушевно-сти. Есть сила и вѣрность въ тонахъ въ двухъ, впрочемъ довольно небрежныхъ, пейзажахъ г. Соврасова. Въ одномъ изъ нихъ яркій закатъ солнца, прорѣзывающійся сквозь гущу лѣса и его горячіе золотистые тоны переданы съ большимъ талантомъ. *Видъ въ Швейцаріи*, Каляма, принадлежитъ конечно не къ лучшимъ произведеніямъ знаменитаго пейзажиста; но какъ въ этой, едва отдѣланной картинѣ видѣнъ глубокой наблюдатель природы! какая гармонія и вѣрность въ тонахъ, какъ прозрачно и свѣтло это небо, какъ легки и воздушны эти облака; какая правда въ этихъ переливахъ свѣта и тѣни, наконецъ какая мягкость во всѣхъ очертаніяхъ, обвѣянныхъ воздухомъ! Гармонія эффектовъ — вотъ великая задача пейзажа. Не всѣ къ сожалѣнію и даже не всякій большой талантъ счастливо разрѣшаютъ эту задачу. Чаше всего случается, что пейзажистъ умѣетъ воспроизводить какой нибудь одинъ или немногіе эффекты, природу, и отъ этого картина, при всѣхъ своихъ превосходныхъ качествахъ, часто лишается своей общей гармоніи, необходимой для полноты впечатлѣнія. Въ природѣ все эффект и все гармонія; дѣло въ томъ какъ взять, какъ расположить въ картинѣ это безконечное разнообразіе эффектовъ. Напримѣръ, самая слабая сторона почти всѣхъ выставленныхъ пейзажей, не исключая и пейзажей г. Горавскаго, состоитъ въ небѣ и облакахъ. Если глазъ добросовѣстнаго зрителя, грубо поражается чѣмъ нибудь въ вашей картинѣ, не ссылайтесь на то, что *такъ* иногда бываетъ въ природѣ; нѣтъ, природа великая примирительница самыхъ рѣзкихъ эффектовъ. По небу несется черное, грозное облако, вы нарисовали его и съ увѣренностью указываете потомъ на природу. Такъ; но сообразили ли вы обстановку этого грозоваго облака, обстановку, состоящую изъ бездоннаго и безконечнаго небснаго свода, котораго глубина смягчаетъ всю одинокую рѣзкость чернаго облака. Явившись на

[80]

аршинномъ пространствѣ картины, оно только рѣжетъ глаза своей черной краской. Вообще нужно много брать въ соображеніе при воспроизведеніяхъ эффектовъ природы.

Нышѣшняя выставка очень богата портретами и вообще эта часть живописи находится у насъ рѣшительно въ цвѣтущемъ состояніи. Не говоря уже о портретахъ г. Зарянки, имя котораго приобрѣло такую извѣстность, портреты гг. Тетрюмова , Торопова , Келера, Явлева , и многихъ другихъ показываютъ, что хорошій портретъ у насъ сталъ дѣломъ очень обыкновеннымъ. Но первое мѣсто между портретистами нынѣшней выставки принадлежитъ по нашему мнѣнію, г. А. Горавскому (№ 236). По тонкости кисти , по стилю , наноминающему лучшія произведенія фламандской школы, по широкой и строгой манерѣ, по колориту и наконецъ по хизненной струѣ, пробѣгающей по лицу портрета мы считаемъ его съ высокой степени замѣчательнымъ произведеніемъ.

Изъ картинъ религіознаго содержанія лучшія принадлежать гг. Майкову и Дузи. Но работы г. Дузи, уступая работамъ г. Майкова въ колоритѣ и блескѣ красокъ, далеко превосходятъ ихъ по выраженію лицъ: *Положеніе во гробѣ Спасителя*, г. Дузи, въ этомъ отношеніи можно даже назвать заимѣчательнымъ произведеніемъ, именно по выраженію лика Спасителя. Очеиъ хорошо также изображеніе *Св. Сергія*, того же художника. Что касается до другихъ произведеній въ этомъ родѣ , то общій характеръ ихъ преимущественно состоитъ въ совершенномъ отсутствіи идеальности. Ничто такъ не вредитъ произведеніямъ, почерпающимъ свое содержаніе изъ самыхъ возвышенныхъ сферъ души человеческой, какъ впаденіе въ рутину. Въ самомъ дѣлѣ , если для произведенія хорошаго пейзажа нужно глубокое чувство природы, то сколько нужно другаго болѣе высшаго чувства для представленія божественныхъ или

боговдохновенныхъ образовъ? Неужели божественность изображаемаго образа должна состоять только въ условномъ представленіи его? При такомъ воззрѣніи этотъ родъ живописи безспорно дѣлается самымъ легкимъ.

Нынешняя выставка замѣчательна нѣсколькими мастерскими копіями. Г. Михайловъ выставилъ свои копіи съ нѣсколькихъ картинъ Мадритскаго Музея. Изъ нихъ, по оконченности своей заслуживаетъ особеннаго вниманія копія съ Крести : снятіе со креста. Это во всѣхъ отношеніяхъ мастерская копія, дѣлающая честь таланту г. Махайлова. Правда , что его же копія, съ Мурильо— Божі Матерь (№ 111), не безъ достоинствъ,—но увы!

[81]

тайну своихъ воздушныхъ, переливающихся, прозрачныхъ и горячихъ тоновъ Мурильо унесъ съ собою!... .

Изъ произведеній иностранныхъ художниковъ замѣчательнѣе всѣхъ картина г. Цукколи: *первые христіане, мученики*. Въ ней много силы, много выраженія въ женскихъ лицахъ, много свѣта и колорита. Группа женщинъ, приготовляющихся къ смерти можетъ даже назваться превосходною. Но театральность, господствующая въ мужескихъ фигурахъ, къ сожалѣнію разрушаетъ общее впечатлѣніе картины. Изъ маленькихъ картинъ того же художника очень хорошъ по естественности выраженія *поварь* (№ 75) глубокомысленно обдумывающій обѣдъ надъ лежащей передъ нимъ провизіей.

Изъ картин, удостоенныхъ Академіею золотой медали, самая замѣчательная принадлежитъ г. Страшинскому: *Валленштейнъ въ Богеміи*. Естественность, разнообразіе, обдуманная характерность множества лицъ, и вообще все сочиненіе картины и ея оконченность обнаруживаютъ въ художникѣ силу фантазіи и драматическое чувство. Фигура Валленштейна, сидящаго въ глубокомъ раздумьи посреди всего этого грабежа и насилія, — можетъ даже назваться мастерскою. Къ сожалѣнію, довольно

неопредѣленный разливъ освѣщеніи не даетъ впечатлѣнію зрителя сосредоточиться ни на одномъ эпизодѣ; всѣ они находятся какъ будто на первомъ планѣ и впечатленіе теряется и тонетъ въ этомъ разнообразіи лицъ и сценъ. Повсемѣстный драматизмъ въ картинѣ такъ сказать раздробляетъ впечатлѣніе по частямъ и зритель отходя отъ картины, уноситъ съ собой какое-то неопредѣленное, смутное чувство. Съ драматизмомъ въ живописи, какъ и съ драматизмомъ въ литературныхъ произведеніяхъ надобно обходиться очень осторожно. Его неумѣренное преобладаніе, точно также можетъ вредить произведенію, какъ и его отсутствіе. Правда, что эта излишняя пряность картины г. Страшинскаго показываетъ только богатство фантазіи художника, и избытокъ, неумѣренно расточаемой, драматической силы; — и это тѣмъ болѣе заставляеть насъ вѣрить въ будущность таланта его.

Изъ скульпурныхъ произведеніи необыкновенно хороши гипсовые слѣпки г. Пименова, Преображеніе и Воскресеніе Господне. Высокій энергическій стиль ихъ, глубокомысліе въ сочиненіи, наконецъ ихъ идеальный характеръ дѣлають ихъ во всѣхъ отношеніяхъ истинно превосходными произведеніями. Весьма замѣчательны также, по естественности, благородству и твердости стиля, гипсовый барельефъ г. Штрома. Большое вниманіе, особенно между спеціальными знатоками лошадей, обращаегъ на себя кар-

[82]

тина г. Сверчкова «дорожные». Дѣйствительно лошади сдѣланы превосходно, до того, что угадываешь характеръ каждой. Вообще вся картина замѣчательна какъ по сочиненію, такъ и по исполненію

. Здѣсь оканчиваемъ мы нашъ бѣглый отчетъ о выставкѣ, который и безъ того вышелъ длиннѣе нежели мы хотѣли. Обо многомъ хорошемъ мы едва сказали, обо многомъ только намекнули, многого замѣчательнаго вовсе не

успѣли коснуться. Мы знаемъ по опыту, какъ скучны всѣ эти отчеты о выставкахъ картинъ. Публика почти не читаетъ этихъ отчетовъ и совершенно права въ своемъ невниманіи къ нимъ. Для тѣхъ, которые видѣли самія картины,— наши голословныя описанія ихъ, наши о нихъ отзывы совершенно излишни; для тѣхъ же, которые не видали ихъ — наши мертвыя слова совершенно безсильны передать — и этотъ блескъ красокъ и эту неопредѣлимую прелесть колорита, эту *живую* цѣлость впечатлѣнія, которое стройнымъ, непередава-емымъ аккордомъ обыкновенно льется изъ картины. Можетъ быть, изъ любопытства прочтутъ насъ одни художники, да и тѣ вѣроятно осудятъ насъ за то, что небудучи спеціалистомъ въ живописи, мы беремъ смѣлость судить объ ихъ произведеніяхъ. Въ оправданіе свое скажемъ, что хотя, безъ всякаго сомнѣнія, мы весьма можемъ ошибаться въ нашихъ сужденіяхъ, но мы не менѣе ихъ любимъ искусство, не менѣе ихъ дорожимъ этимъ лучшимъ цвѣтомъ, лучшимъ украшеніемъ человѣческой жизни.

В. БОТКИНЪ.